

© 1999 г. Л.Э. КАЛНЫНЬ, Г.П. КЛЕПИКОВА

ВОПРОСЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ НА XII МЕЖДУНАРОДНОМ СЪЕЗДЕ СЛАВИСТОВ

Авторы настоящей публикации в свое время проделали (в соавторстве с Т.В. Поповой) анализ диалектологической проблематики, отраженной в докладах на VIII Международном съезде славистов (Загреб, 1978 г.), полагая, что на научных собраниях такого уровня наиболее отчетливо эксплицируются приоритеты разных направлений славянского языкознания (см. [ОЛА, 1979]). XII съезд славистов отделен от VIII съезда интервалом в двадцать лет. Поэтому сопоставление диалектной проблематики на этих съездах может показать динамику и современное состояние изучения славянских диалектов.

На XII Международном съезде славистов диалектологическая проблематика отражена в 47 докладах*.

Как и двадцать лет назад центральными диалектологическими проектами, над которыми работают лингвисты разных стран, остаются Общеславянский лингвистический атлас (ОЛА) и Общекарпатский диалектологический атлас (ОКДА). В ОЛА лингвогеографической интерпретации подвергается диалектный континуум, соответствующий целой языковой семье, и учитываются при этом диалектные различия в фонетике, грамматике и лексике. ОКДА является межъязыковым региональным атласом, ориентированным на изучение лингвистического пространства зоны Карпат и соседних регионов (прежде всего балканского), где представлены результаты длительного контактирования и интерференции языков (resp. диалектов) различных языковых семей, нашедшие отражение в возникновении многочисленных лексико-семантических тождеств.

За прошедшее время содержание работы над атласами существенно изменилось. Если раньше речь шла о вопросах, актуальных для начального периода составления атласов (интерпретация диалектного материала как объекта картографирования, принципы составления карт разного типа и под.), то к XII МСС оба атласа подошли с уже изданным собранием карт. В ОЛА опубликованы один выпуск лексико-словообразовательной серии (ОЛА. 1. М., 1988) и четыре выпуска фонетико-грамматической серии (ОЛА. 1. Белград, 1988; ОЛА. 2а. М., 1990; ОЛА. 2б. Варшава, 1990; ОЛА. 3. Варшава, 1994). В ОКДА к настоящему моменту вышли из печати пять выпусков (ОКДА. 1. Кишинев, 1989; ОКДА. 2. М., 1994; ОКДА. 3. Варшава, 1992; ОКДА. 4. Львов, 1993; ОКДА. 5. Братислава, 1997), кроме того, полностью готовы к публикации и находятся в процессе издания в Венгрии и Югославии 6-й и последний, 7-й, выпуски.

* Кроме того, в программе Съезда были заявлены диалектологические сюжеты, не отраженные ни в докладах, ни в сборнике резюме. Это – Николаев С.Л. (Россия) "Кривичский диалект и его место в восточнославянском диалектном континууме", Гриценко П.Ю. (Украина) "Слов'янські ізофонії: спроба зіставної інтерпретації", Bjørnflaten J. (Норвегия) "Восточнославянская лингвогеография", Ivić P. (Югославия) "Typy podziałów dialektalnych", Kalsbeek J. (Голландия) "Problems in the Diachronic Phonology of Istrian Čakavian Dialects", Vermeer W. (Голландия) "The North Russian Dialects of Common Slavic: Issues and Non-issues" [XII MKS. Program 1998].

Диалектная карта показывает территориальную прикрепленность компонентов диалектных различий. Но эта визуальная информация не является самоцелью. Значение ее в том, что она может быть поводом для выявления более глубинных языковых характеристик, стоящих за полученной картиной диалектного ландшафта. Картографирование диалектов на большом пространстве, охватывающем несколько языков, может внести коррективы в представление о составе диалектных различий в славянском континууме, так как эти различия актуализируются лишь при сопоставлении разных языков. Это может стать основой для внесения поправок и в ареальную характеристику континуума, и в диахронические суждения об отдельных его фрагментах. Интерес к проблемам такого рода был отражен в докладах, использовавших данные карт ОЛА и ОКДА.

Т.И. Вендина (Россия) в докладе «Общеславянский лингвистический атлас и лингвистическая география» показывает, как карта, будучи по своей сути констатирующим произведением, может получить объясняющее значение. Это основано на сопоставимости картографируемых фактов и на выборе объекта картографирования. Становится возможным реконструировать динамику рефлексии определенного праславянского элемента в пределах всей Славии. На примере карт на рефлексацию **ě*, **ę*, **q* показано ареальное «перетекание» одних, более архаических типов рефлексии, в другие, удаляющиеся от первоначального состояния, т.е. восстанавливается последовательность стадий трансформации праславянских единиц в их территориальной проекции. Выводы о своеобразии развития отдельных ареалов получают особую надежность при совпадении фонетических и лексических изоглосс, как это имеет место на словацкой территории. Анализ явлений в масштабах Славии позволяет выделить зоны архаики – они обычно имеют островной характер и локализируются не только на периферии славянского континуума, но в ряде случаев и в центре его (Полесье). В докладе Т.И. Вендиной обращено специальное внимание на такой лингвогеографический жанр, как фонетические обобщающие карты ОЛА. На этих картах показано размещение диалектных различий, компоненты которых образованы системными отношениями. Речь идет о влиянии ударения, консонантного окружения, вокального количества на рефлекс праславянского гласного, сохранение/утрата фонологической самостоятельности рефлексом праславянской фонемы. Проблема обобщающих карт как нового вида лингвогеографического исследования была в центре внимания уже на ранних стадиях работы над ОЛА [Аванесов, Калнынь 1983]. Особый статус этих карт подтвердился при составлении первых фонетических выпусков. Обобщающие карты, посвященные рефлексам **ě*, **ę*, **q*, как справедливо замечает Т.И. Вендина, впервые показывают картину системной дифференциации славянского диалектного континуума. Составление таких карт предусматривает специальную процедуру перекодирования фактов конкретной фонетики в системные характеристики диалектов. Реализуя эту задачу, ОЛА уже на данном этапе выступает в качестве генератора новых идей и решений в славянской лингвогеографии.

В докладе **Л.Э. Калнынь** (Россия) «Особенности восточнославянского диалектного континуума в свете современной лингвогеографии» рассматривается вопрос о том, какую информацию о хронологии диалектной дифференциации и ее специфике можно извлечь из фонетических карт восточнославянских атласов (ср. «Диалектологический атлас русского языка», «Атлас украинської мови», «Діялекталагічний атлас беларускої мови») и атласов, объединяющих всю восточнославянскую территорию (ОЛА). Соединение корпуса некоторых диалектных различий с фактором большой языковой территории позволяет по-иному взглянуть на традиционно принятые представления об истории формирования особенностей указанного региона. Явления, остающиеся в национальных атласах на периферии внимания по причине своей монотонности, будучи рассмотренными на фоне всего восточнославянского континуума, получают статус свидетельства о том, что диалектная дифференциация здесь в некоторых своих особенностях складывалась до падения редуцированных, т.е. в период, определяемый как «древнерусское единство». При этом в качестве аргументов начинают выступать

явления, ранее не зачислявшиеся в реестр исконных различий между восточнославянскими диалектами. Различия касаются таких структурных элементов, как устройство слога (проявляется в различном уровне связей между компонентами дифтонга, кончающегося на плавный, в варьировании места слогораздела в сочетаниях редуцированного с сонантом), правил включения инициальной вокальной артикуляции, в чем отражается специфика артикуляционной базы. Эти выводы сделаны на основе картографирования рефлексов интерконсонантных сочетаний редуцированных с плавными и инициального **o*. По названным признакам праукраинские диалекты с определенностью отличаются от прарусских. Различия же между прабелорусскими и прарусскими выражены менее резко. Фонетическое своеобразие украинских диалектов в сравнении с другими восточнославянскими проявляется и на синхронном уровне. В частности, типологические характеристики, выявленные на основе описаний отдельных украинских говоров, показывают повышенную роль вокальных средств в их фонетическом строе. Несмотря на наличие корреляции твердости/мягкости, украинские диалекты нельзя считать «радикально-консонантическими» (определение А. Исаченко) и по этому признаку совпадающими с другими восточнославянскими языками. Их большая вокализованность сближает украинские диалекты в типологическом плане скорее с южнославянскими диалектами словенской и сербско-хорватской группы.

Сходные выводы сделаны в докладе **О.Б. Ткаченко** (Украина) «Украинская фонетика на историко-типологическом фоне». Рассматривая явления «икавизма», украинский гласный *и* (из **i*, **y*), твердость согласных перед *e* из **ĕ* и мягкость перед утраченным **ĕ*, автор приходит к выводу, что украинский язык по своему происхождению занимает особое место среди восточнославянских. Существующая точка зрения на происхождение этого языка не укладывается в представление о древнерусском единстве: некоторые специфические украинские особенности уходят своими корнями в позднепраславянское состояние. Находясь в центре Славии, украинский язык в своей динамике обнаруживает некоторое сходство с южнославянским развитием, считает автор. В связи с этим можно напомнить, что на материале украинских диалектов интерпретация развития **e*, **i*, а также **ĕ* **ĕ* предложена в работе Л.Э. Калнынь [Калнынь 1994], где сделаны выводы об исконном отсутствии смягчения согласных перед **e*, **i*, а мягкость согласных перед утраченным **ĕ* расценивается как появившаяся после падения редуцированных и представляющая собою компенсационную реакцию на изменение фонетической программы слова.

Обсуждению конкретных вопросов, возникающих при составлении лексических карт ОЛА, посвящен доклад **Я. Сятковского** (Польша) «Разграничение морфологического и фонетического уровня в Общеславянском атласе». В легенде лексических карт ОЛА картографируемые слова передаются транскрипцией, которая элиминирует фонетические различия, показывая лишь внутреннее морфологическое членение слова в его соотношении с праславянскими морфемами. Однако ответы на Вопросник ОЛА содержат и не возводимые к праславянскому состоянию региональные инновации, заимствования из других языков, аналогические образования и др. В таких случаях отделение морфологических фактов от фонетических может быть затруднено, а иногда невозможно. Это показано на примере тех сложностей, которые возникают при реконструкции праформ для польских суф. *-erz*, *-arz*, *-urz* в их соотношении с **rjь*, при определении причин замены безударной флексии *-a* из **ĕ* гласными *e*, *i* в восточнославянских говорах (фонетика? аналогия?), при морфологической интерпретации словообразовательного сегмента, выраженного то двойным, то одним согласным, — альтернатива сводится к тому, считать ли это результатом фонетического изменения или констатировать разные словообразовательные модели. По замечанию автора, приводимые им примеры иллюстрируют взаимопроникновение морфологического и фонетического уровней. Частным проявлением этого является морфологическая аналогия, которая нередко обусловлена фонетическими изменениями или осуществляется при их участии.

Некоторые результаты изучения славянских и неславянских диалектов в рамках ОКДА представлены как в самом атласе – в виде карт и комментариев к ним, непосредственно дающих общую ареалогическую характеристику генетически гетерогенного карпатобалканского пространства, так и в ряде обобщающих трудов. Примером этого был, например, коллективный доклад к XI съезду славистов 1993 г. [Бернштейн и др. 1993]. К XII съезду были подготовлены два доклада подобного типа. В докладе **С.Б. Бернштейна** и **Г.П. Клепиковой** (Россия) «Славяно-румынские языковые контакты в свете новых данных славянской лингвогеографии» предложен собственно ареалогический подход к диахронической интерпретации современных ареалов славянских заимствований в румынском, а именно, путь сопоставления этих ареалов с ареалогическими ситуациями в масштабах общеславянского диалектного континуума. Специально подчеркивается, что это возможно лишь на нынешнем этапе развития науки, когда исследователи имеют в своем распоряжении уникальные данные первых выпусков полилингвальных атласов (ОЛА, ОКДА, Лингвистического атласа Европы) в сочетании с показаниями национальных атласов. На примере ряда славизмов в румынском (*gușter, ojină ciocănițoare* и др.) авторы показывают, что славянский "фон" помогает полнее описать указанные единицы. На синхронном уровне эксплицируются, с одной стороны, «непрерывные» ареалы славянских форм и соответствующих заимствований в румынском (что облегчает историческую интерпретацию фактов), а, с другой, – «дистантные» (= изолированные от соответствующих ареалов той или иной лексемы в диалектах Славии), что требует от историка языковых взаимодействий дополнительных разысканий. Большой интерес для контактологии могут иметь анализируемые в докладе случаи славяно-румынских схождений в сфере мотици и тех или иных наименований (ср., например, наличие признака 'сидеть' в рум. *șezătoare*, макед. *'sedenka*, сербск. *se:delka* и под., при болг. *седянка*).

В докладе **Л. Балоба**, **Я. Банчеровского**, **И. Пошган** (Венгрия) «Венгерские лексические элементы в языках карпатского ареала» рассматривается, прежде всего с учетом материалов ОКДА, процесс и хронология проникновения венгерской лексики различного происхождения (исконной и заимствованной) в соседние языки карпатской зоны в ходе непосредственных контактов носителей этих языков и венгерского языка.

Проблемам изучения собрания диалектов, выходящего за пределы одноязыковой территории, посвящен доклад **М.В. Домосилецкой**, **А.А. Плотниковой**, **А.Н. Соболева** (Россия) «Малый диалектологический атлас балканских языков». В нем излагается концепция нового проекта создания балканского атласа. От предшествующих опытов (например, М. Младенова и др.) данный атлас и его Вопросник (издан в 1996–1997 гг.) выгодно отличаются обращением не только и не столько к лексике, при описании которой предлагается использовать «идеографический» принцип, но и стремлением к углубленному анализу синтаксических явлений. Описание синтаксиса понимается как (1) изучение структуры целостных синтаксических единиц и (2) изучение грамматикализованных и синтаксически свободных средств выражения грамматических значений. Новаторским является включение в Вопросник атласа этнолингвистического раздела. Это позволит подробно изучить этнокультурную лексику (= терминологию традиционной духовной культуры). Доклад содержит также анализ и интерпретацию некоторых полевых материалов, уже собранных по Вопроснику в Восточной Сербии и в Болгарии (область Родоп). В ходе оживленной дискуссии, развернувшейся по концепции Атласа (и, в частности, по вопросу о сетке обследуемых в Атласе пунктов – 15), в целом было признано, что данный труд является перспективным научным начинанием, который может рассматриваться как «пилотный» по отношению к «Большому» балканскому атласу, предварительная работа над которым начата в Комиссии по проблемам балканистики при МКС.

В докладе **И.А. Букринской**, **О.Е. Кармаковой** (Россия) «Интерпретация лексических изоглосс в связи с вопросами раннего диалектного членения восточнославянских языков» на основании показаний национальных диалектных атласов превосходно представлена синхронная лингвистическая ситуация, характеристика которой дается

путем анализа соотношений названий 'цепы' (в целом) и его частей ('ручки' и 'бьющей части'). Подобный подход к изучению данного микрофрагмента лексической системы позволяет, с одной стороны, преодолеть «атомарность» при рассмотрении соответствующих названий и, тем самым, скорректировать впечатление о большой дробности ареалов отдельных наименований. А, с другой, – выявить некоторые зоны, существенные для указанного диалектного ландшафта в целом. Учет последних важен, например, при диахронической интерпретации имеющихся фактов, в том числе, и при решении проблемы о древнем единстве/неединстве Восточной Славии. Напомним, что именно этой, актуальной ныне тематике уже посвящены два выпуска специального коллективного труда «Востоочнославянские изоглоссы» (М., 1995; 1998). Авторы выделяют 15 основных типов комбинаций рассматриваемых названий; при этом большинство русских говоров оказываются противопоставленными другим восточнославянским говорам, в украинских преобладают два типа, общими в белорусских и западнорусских также являются два типа, и только один тип известен диалектам всех трех языков. Вместе с тем представляется, что авторы излишне категоричны, когда возводят данные с о в р е м е н н о й диалектной лексики к языковым особенностям отдельных древних славянских племенных (!) групп (ср. упоминание о белых хорватах, древлянах, полянах, вятичах, кривичах и др.). Даже если те или иные названия указанного орудия (resp. его частей) являются очень старыми (ср. континуанты слав. *сѣръ), то вряд ли это же можно сказать о с о о т н о ш е н и я х названий, поскольку многие из них возникли, несомненно, достаточно поздно (таковы, например, конфигурации с многочисленными дериватами от корней *bi-, *vez-/vqz- и др.).

Другие доклады по вопросам лингвогеографии касались говоров одноязычных территорий и территориального распространения отдельных диалектных различий.

К. Дейна (Польша) в докладе «Методологические принципы Атласа польских говоров» излагает свой взгляд на специфику говора как языкового идиома. Автор считает, что система говора формируется инновациями в области фонетики, фонологии, морфологических единиц. Что касается лексики говора, то изменения, в ней происходящие и отличающие разные говоры, находятся вне системных категорий. Поэтому, по мнению К. Дейны, «говор отличается от других говоров не собранием терминов, а системными инновациями». Системный подход к объектам картографирования автор иллюстрирует фонетическими картами региона Малой Польши. Так, на карте, посвященной изменению $\acute{n} > \acute{i}, \acute{i}$ в конце слога, используются знаки, ориентированные на то, чтобы показать диалектные различия в (а) позиционной и (б) лексической сферах реализации этого фонетического явления. Карта, показывающая наличие/отсутствие изменения $l > \text{u}(w, v)$, составлена на основе сопоставления данных, полученных при обследовании говоров по вопроснику Атласа, с имеющимися более ранними описаниями этих же диалектов. В результате карта показывает динамику явления. Таково же содержание карты, посвященной диалектной дифференциации по признаку развития старопольск. ą . Выводы К. Дейны подтверждают положение, что интерпретация диалектного континуума в виде структурированной диасистемы (= диалектного языка) возможно лишь на фоне картографирования системно значимых диалектных различий. Напомним, что первый опыт такого картографирования был представлен в «Атласе русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» (под ред. Р.И. Аванесова. М., 1957).

Проблемы составления тематического диалектного атласа обсуждаются в докладе **В. Венцеля** (Германия) «Серболужицкий атлас личных имен и общеславянский антропонимический атлас». Указанный вариант общеславянского атласа имеет своей целью показать в пределах Славии ареалы отдельных личных имен, а также лежащих в их основе словообразовательных структур разного уровня (типы и подтипы). Выявленные изоглоссы и ареалы должны быть сопоставлены с географией диалектных явлений, с фактами топонимики, со сведениями о заселении данной зоны, что создает основу для получения новых данных о содержании языковых и миграционных отношений в более

ранние эпохи существования Славии. Решение таких задач, справедливо отмечает В. Венцель, возможно лишь при учете показаний антропонимии отдельных славянских языков (картотеки, историко-этимологические словари, письменные документы). В этом проявляется универсальный лингвогеографический принцип, согласно которому диалектному атласу региона должно предшествовать изучение компонентов (идиомов), его составляющих. В. Венцель, являясь автором серболужицкого атласа личных имен [Wenzel 1994], полагает, что опыт этого атласа может быть использован при составлении общеславянских антропонимических карт. Это касается фактической базы атласа, выбора объекта картографирования (преимущественно прозвища и фамилии; большая ориентированность на лексику, а не на словообразование, как это принято до сих пор), локальной фиксированности картографируемого явления (показательны антропонимы, произведенные от топонимов). В докладе приводится обзор употребления нескольких лексем в разных славянских антропонимах (**ortajb*, **vitędzь*, **kъmetь* и под.). Этот обзор обнаруживает связи серболужицких диалектов с иными регионами Славии.

Е. Рейхан (Польша) в докладе «Словообразовательные связи польских диалектов с другими славянскими диалектами и языками» рассматривает географию словообразовательных морфем, не ограниченных только территорией польского языка. В зависимости от территории, охватываемой изоморфой, выделяются три типа пространства использования той или иной словообразовательной морфемы: а) большое диалектное пространство в пределах польского языка и в одном или нескольких соседних языках; б) небольшое пространство в польском диалектном языке, имеющее продолжение за пределами польского языка, хотя бы в одном соседнем языке; в) несколько рассеянных (= «островных») ареалов, корреспондирующих с ареалами в одном или нескольких славянских языках. Эти типы проиллюстрированы распространением ряда суффиксов (именных, глагольного, местоименного). Использован материал имеющихся диалектных описаний и Малого атласа польских говоров.

Территориальный аспект изучения польских говоров обозначен и в докладе **Н.Е. Ананьевой** (Россия) «Некоторые итоги и перспективы изучения польского периферийного диалекта. Конфронтативная грамматика двух его разновидностей. Словарь. Атлас». Автор справедливо подчеркивает, что ныне разноплановое изучение так наз. «польщизны кресовой» (*polszczyzna kresowa*) (= ПК) опирается на неоднородные материалы, собиравшиеся разными исследователями (в том числе и отечественными) с различными целями в течение нескольких десятилетий. Сложность решения сформулированных в докладе задач, по мнению автора, обусловлена, в частности, тем, что указанные говоры характеризуются высокой степенью вариативности на всех языковых уровнях; последнее объясняется дву- и многоязычием носителей ПК, влиянием польского литературного языка и др. Это заметно отражается и на форме двух разновидностей ПК (Белоруссия – Литва и Украина). В докладе основное внимание автор уделил грамматике и словарю; подробнее о концепции Атласа см.: [Ананьева 1997].

Особенности контактирования разноязычных диалектов не только островных, но и в зонах языкового пограничья, привлекают внимание авторов и других докладов. Явления ПК рассмотрены в докладе **Я. Ригера** (Польша) «Польский язык в Белоруссии, Литве и Украине. Проблемы языковых контактов и их описание». В данном случае в центре внимания исследователя оказываются результаты языковых взаимодействий, имевших место в указанных областях, и фиксируемые не только на уровне лексики, но и иных языковых страт. Подчеркивается необходимость учета фактора влияния польского литературного языка и других польских диалектов.

И. Лисац (Хорватия) в докладе «Состояние диалектов на хорватско-словенской языковой границе» анализирует, с использованием примеров разных языковых уровней, последствия длительных взаимодействий (и взаимовлияний) хорватских («чакавских», «кайкавских») и словенских говоров, образующих ныне своеобразный континуум в области словенско-хорватского пограничья. Помимо собственно лингвистических причин возникновения специфических черт, характеризующих и выделяющих

указанный континуум, автор указывает и на роль экстралингвистических факторов, в том числе – интенсивных миграций населения.

Р. Сырбу (Румыния) в докладе «Морфосинтаксические структуры в глагольной системе исторорумынского диалекта. Влияние хорватского языка» подводит некоторые итоги разысканий многих лингвистов, обращавшихся к изучению характера славянского влияния на указанный романоязычный идиом. Используя новые записи речи нынешних исторорумын-билингвов, автор высказывается в пользу сформулированной еще в начале 60-х гг. точки зрения, согласно которой славянское влияние было настолько сильным, что это привело к изменениям в самой структуре румынского диалекта. Это проявилось, в частности, в возникновении формальной категории глагольного вида, о чем свидетельствует не только наличие префигированных глаголов (в том числе искомных!), выражающих совершенный вид, но и употребление в глагольной системе заимствованных славянских суффиксов для образования «вторичных имперфективов».

В докладе **Б. Видоеского** (Македония) «Македонский язык среди балканских славянских и неславянских языков» (к печати текст подготовлен З. Тополинской) дается обзор явлений, составивших в своем развитии специфику македонского языка (=«привели к оформлению самостоятельной македонской диасистемы»), с одной стороны, и ареальную характеристику македонского диалектного континуума, – с другой. Отмечая близость македонского и болгарского языков, автор обращает внимание и на такие инновации, которые ориентировали развитие фонологической и грамматической структуры македонского языка в ином направлении, чем это имеет место в болгарском ареале. Изоглоссы перечисленных явлений (рефлексы *ѣ, *ь, совпадение рефлексов *ѣ и *е, протеза *j* перед *о, некоторые грамматические формы и др.), отмечает автор, образуют замкнутые линии и имеют сходное направление. Особо подчеркивается, что современная македонская диасистема обнаруживает большую близость с сербохорватским ареалом, чем с болгарским. Обратившись к теме влияния неславянских языков на славянские языки Балкан, Б. Видоески также отмечает ряд специфически македонских инноваций в синтаксисе, словообразовании, фонетике (например, назализация *a > a* в соседстве с носовыми сонантами). Инновации, развившиеся на македонской языковой территории, имеют свои ареальные особенности. Одни из них распространены на всей македонской территории и отличают ее от сербской и болгарской. Другие инновации захватывают только некоторые македонские диалекты при том, что в остальной части континуума представлены старые особенности (архаизмы), хотя и обнаруживающие тенденцию отступать под давлением новшеств. Специфическая ситуация представлена на пограничье с албанским, арумынским, греческим языками, где, с одной стороны, сосредоточены архаизмы, а с другой, – нередки явления, возникшие в условиях межъязыковых контактов. Автор доклада, специально комментируя ситуацию возникновения старославянской письменности, видит ее корни непосредственно в "македонском диалектном комплексе". Однако отождествление солунского диалекта VI в. с современными македонскими диалектами представляется дискуссионным.

Некоторые идеи, изложенные Б. Видоеским, развиваются и в докладе **К. Пеева** (Македония) "Прерывистые изоглоссы между славянским Севером и юго-восточными македонскими диалектами". Здесь излагаются итоги многолетнего изучения автором славянских говоров в Эгейской Македонии (в р-нах Сереса, Драмы, Салоник и др.). Специально подчеркивается важность указанной диалектной зоны для исследования соответствующих явлений в более широком славистическом контексте, поскольку в этих говорах фиксируются как многие архаизмы, так и инновации, для которых отмечаются соответствия в диалектах Северной Славии (ср. макед. *траче* 'тратить' ~ русск. *тратить* 'то же' и др.).

Доклад **Ю. Накадзима** (Япония) «Местоименные формы македонского языка с диалектной точки зрения» построен на соответствующих материалах Македонского диалектологического атласа и демонстрирует богатство вариантов некоторых личных

местоимений в формах *Casus obliquus*, создающееся, в частности, за счет удвоения/неудвоения форм (полная – краткая), наличия/отсутствия предлога *на* и др. Ареалогический подход позволяет автору выявить ряд зон бытования отдельных малочастотных форм, противопоставленных формам, имеющим наибольшее распространение в македонском диалектном языке. Это прежде всего – восточные и северо-восточные ареалы различной конфигурации (ср., например, ареалы форм, *тебе, на тебе те : тебе те; на вас ви, на вас : вам ви* и др.), но также и западные (и юго-западные) (ср.: *на вас ве, вам ви, вами ве : вас ве* [также – *вас*] и др.) и под.

Упомянем здесь и доклад **А.А. Плотниковой** «Культурно-языковое членение балканославянского ареала (на материале обрядовой терминологии)», посвященный проблеме ареалогической интерпретации взаимосвязи языка и особенностей духовной культуры в определенных зонах. Интерес к этой проблеме наметился в последние 20 лет и явился следствием успехов этнолингвистических исследований, главным образом, в России и в Польше. Автор анализирует лексику (=терминологию), «обслуживающую» некоторые обрядовые реалии в традиционной культуре балканославянской зоны, а именно – наименования святочных и масленичных «дружин», названия участников новогодних процессий с корнем *сурва-*, термины весенне-летних обходов и термины, связанные с вызыванием дождя. Информативность доклада, несомненно, повышается благодаря наличию нескольких карт. Специальное внимание обращается на совпадение конфигураций тех или иных изолекс (геср. изодокс) с некоторыми собственно языковыми изоглоссами, выявленными в свое время П. Ивичем (в частности, членящими южнославянский ареал на запад – восток, центр – периферию, а также на север – юг).

На XII съезде славистов были представлены доклады, посвященные отдельным особенностям конкретных славянских диалектов.

Если следовать географии расположения этих диалектов, начиная движение с запада на восток, то первым следует назвать доклад **Р. Беначчо** (Италия) «Резьянский диалект между славянским и романским. Морфосинтаксические особенности» (в Программе съезда – «Словенский говор внутри романского ареала: резьянский диалект»). Этот достаточно экзотический словенский диалект, описанный впервые И.А. Бодуэном де Куртенэ в XIX в., в последние годы вновь привлекает внимание лингвистов (ср.: [Steenwijk 1992]). Диалект обладает рядом особенностей, которые принято считать результатом романского влияния. Однако автор доклада справедливо полагает, что иноязычное влияние может быть эффективным в той мере, в какой оно соответствует внутренним тенденциям динамики развития диалекта или даже совпадает с некоторой славянской универсалией. Рассмотрение резьянских морфосинтаксических особенностей показывает, что контакт с романским языковым ареалом влиял на развитие диалекта, иногда усиливая или ускоряя определенные эволюционные тенденции (утрата среднего рода и, в еще большей степени, двойственного числа), в других случаях способствуя выбору одного направления синтаксической эволюции (местоименная проклiza, а не энклiza). Почти всегда, показывает автор, внешнее влияние на резьянский диалект находилось в согласии с «воспринимающей» языковой системой, чаще всего выполняя роль усилителя моделей, уже актуальных в славянской системе.

Л. Коленич (Хорватия) в докладе «Славонский диалект» дает характеристику хорватского диалекта «штокавского типа», бытующего, в частности, в центральной части Восточной Славонии, в хорватской части обл. Баранья и за пределами Хорватии. Отличительной особенностью этого диалекта является присутствие в нем ряда архаических черт в фонетике, морфологии и словообразовании.

Единственным докладом, в какой-то мере затрагивающим проблематику болгарской диалектологии (собственно – диалектной лексикологии), можно считать выступление **К. Колевой** (Болгария) «Метафора в славянской гидронимии». Среди примеров славянских апеллативов–оронимов (=гидронимов), возникших в результате «метафори-

заций» названий частей тела человека, присутствуют, несомненно, болгарские диалектные факты, ср. *ребър* 'водораздел', 'ребро горы', *рамодол* 'лощинка, в которой есть немного воды', *крак/нога* 'ряд камней, по которым можно перейти реку или болото' и под. В целом доклад вносит определенный вклад в изучение темы внутриславянских межъязыковых/междиалектных отношений, – ср., например, обозначение такого объекта, как 'рукав реки' (лексемы с корнями **rqk-*, **kork-//*noga*, **ramo*, **kolženo*, **mařka*), 'мыс' (репрезентанты **językь* и др.).

Г. Поповска-Таборска (Польша) в докладе «К специфике кашубско-нижненемецкой интерференции в области лексики», привлекая богатый материал, в первую очередь Кашубского атласа и иных диалектных источников, анализирует судьбу ряда лексем, заимствованных в результате непосредственных славяно-немецких контактов в северо-западной части кашубской зоны, где иноязычное влияние было особенно сильным.

А. Ференчикова (Словакия) в докладе «Типы сложных предложений с условным отношением между его частями в словацких диалектах в сопоставительном аспекте» исследует употребление некоторых союзов и их коррелятов в указанных типах предложений. Выделяются ситуации с "реальным" условием (союзы *ked'*, *akl/jak*, *až*, *ač*, *že*, *ježeli* и др.) и "ирреальным" (союзы *keby*, *aby*, *čoby*, *žeby*, но и *ked'*, *akl/jak*), особенности использования глагольных форм (в том числе от вспомогательных глаголов *môci*, *mař*), случаи употребления стилистически маркированных типов условных предложений. Автор также приводит аналогии из чешских, польских, украинских говоров.

Доклад **Л. Бартко, Н. Дзендзелевской, Ш. Липтака** (Словакия – Украина) «К характеристике словацких говоров на территории Закарпатской области Украины» посвящен рассмотрению того, как функционирование в иноязычной среде и в условиях специфических общественно-производственных отношений отразилось на словацких диалектах Закарпатской Украины. Носителями этих говоров являются потомки переселенцев XVIII–XIX вв. преимущественно из Восточной и отчасти Средней Словакии. Установлено, что в настоящее время эти диалекты настолько изменились, что их нельзя отождествить однозначно с каким-либо из диалектных типов метрополии. Словацкие говоры Закарпатья – это говоры смешанного типа. Анализируя явления различных языковых уровней, авторы распределяют говоры по пяти подтипам. Четыре из них представляют явления, объединенные в восточнословацком наречии, а пятый – комбинирует явления средне- и восточнословацкого наречия. Ситуация со словацкими диалектами в Закарпатья – частный случай той диалектной пестроты, которая характерна для пограничья между восточно- и западнославянскими языками.

Доклад **И. Рипки** (Словакия) «Типы славянских общенародных диалектных словарей» посвящен одной из центральных проблем славянской лексикографии. Автор излагает целостную концепцию фундаментального труда, реализуемого ныне словацкими учеными, – «Словаря словацких говоров» (=SSN) (1-й выпуск из 3-х опубликован и получил высокую оценку специалистов), и проводит сравнение по некоторым параметрам с другим важным научным проектом в славянской диалектологии – «Словарем польских говоров» (=SGP). И. Рипка подчеркивает, что решение задач подобного типа возможно лишь при условии достижения национальной диалектологией определенных успехов (например, при наличии большого числа монографических описаний отдельных говоров и их групп, лингвогеографического изучения диалектного континуума данного языка и др.). Поскольку диалектология изучает соответствующие языковые идиомы в плане территориальной дифференциации, признак ареальной характеристики лексических единиц является чрезвычайно важным для современного этапа развития лексикологии и лексикографии. Каждая национальная диалектология, по мнению автора, имеет свою специфику, непосредственно отражающуюся в теории и практике диалектологических исследований, в данном случае – в создании SSN.

Отсюда – внимание И. Рипки к концептуальным и прагматическим основам Словаря. (1) Составители SSN исходят из того, что идея так наз. «полных» диалектных словарей (=“тезаурусов”) теоретически сомнительна, а практически – нереализуема. (2) Диалект рассматривается словацкими учеными как пространственно и функционально ограниченное языковое образование, которое используется в целях коммуникации носителями языка определенной области (=зоны), и является территориально маркированным вариантом (формой) национального языка. Исследования показывают, что языковая ситуация в той или иной области Словакии может быть весьма сложной, поэтому диалектными словами нельзя считать – в с е лексемы, зафиксированные в речи носителей конкретного говора (например, не являются «диалектными» такие единицы, как *demokracia, mixér, penicilin* и др., и они, следовательно, не могут регистрироваться в диалектном словаре). Отсюда вытекает, что составлению словарей должны предшествовать специальное изучение и классификация собранных данных. (3) Географическая дифференциация диалектных лексем может отмечаться применительно ко всем языковым уровням, при этом, как свидетельствует опыт работы над SSN, возможны и различные способы отражения ее в словарных статьях. (4) Реализация концепции SSN и анализ собранного материала помогает выявить несколько т и п о в синонимических и омонимических отношений в лексической сфере словацких говоров, что позволяет уже в самом Словаре отражать явления «междиалектной» полисемии и омонимии, характерные для с о б р а н и я единичных (=частных) диалектных систем, т.е. в масштабах диалектного языка или его фрагментов. (5) Констатируется важность документации и многоаспектной квалификации каждой лексической единицы и словосочетания. Таким образом, данный доклад позволяет еще раз оценить продуктивность идей, лежащих в основе концепции SSN, а также последовательность их воплощения в данном труде.

Между прочим, высокое качество информации, содержащейся в SSN, косвенным образом подтверждается докладом словацкого лингвиста **Л. Кралика** «Из исследований праславянского лексического фонда в словацком языке (дополнения и исправления к Праславянскому словарю)». Характерно, что расширение корпуса словацких примеров, содержащихся в докладе, происходит прежде всего за счет д и а л е к т н о й лексики, которая извлечена именно из SSN (также – из Исторического словаря словацкого языка и ономастических картотек, хранящихся в Институте языкознания САН).

В докладах по восточнославянской диалектологии чаще всего рассматриваются явления русских диалектов.

В.Чекмонас (Литва) в опубликованном докладе «Аканье и оканье в северной части Псковской области (полновские говоры)» (в Программе съезда – «К проблеме прибалтийско-финского субстрата в псковских говорах») дает полное описание вокализма разных предударных и заударных слогов после мягких и твердых согласных в группе северо-западных русских говоров/частных диалектных систем. Подобное описание необходимо, поскольку использование принципа вокальной диссимилиации, с одной стороны, и вокальной ассимиляции, с другой, делает картину безударного вокализма в отдельных говорах исключительно индивидуализированной. В докладе описываются особенности ударения в анализируемых говорах, имеющего тенденцию сдвигаться на первый слог. Автор выдвигает предположение о динамике предударного вокализма: «...полновский вокализм (аканье – яканье перед *и, ъ, ѱ* и оканье перед другими гласными) является поздним новообразованием, сформировавшимся... в результате распространения окающих говоров в ареале гдовской системы (аканье–яканье перед *ѳ, ѳѳ, ѳѳѳ, ѳѳѳѳ* и оканье перед другими) предударного вокализма». Некоторые особенности этих говоров (гармония гласных соседних слогов, перенос ударения) автор связывает с влиянием финно-угорского субстрата. Данная постановка вопроса заставляет задуматься о механизме освоения славянской фонетикой такого иносистемного фрагмента, как уподобление вокальных компонентов фонетической модели слова.

Особенностям псковских говоров посвящен и доклад **З. Хонзелаара** (Голландия) «Диалект деревни Островцы Псковской области», опубликованный лишь в виде

резюме. Автора интересуют некоторые факты морфологии глагола (в частности, претерит муж. рода, ед. числа на *e*).

С.А. Мызников (Россия) в докладе «Лексика прибалтийско-финского происхождения в севернорусских говорах (лингвогеографический аспект)» исследует данный аспект проблемы славяно-неславянских языковых контактов с учетом ареального фактора и устанавливает распространение соответствующих лексем на обширной территории (часто в виде небольших «островков») в Новгородской и Ленинградской обл., в Карелии, и далее на восток – в Вологодской, Архангельской и др. областях. Помимо того, что рассмотренные явления представляют значительный интерес для славистики и финно-угроведения, в том числе для этимологии, доклад, на наш взгляд, может свидетельствовать об интенсивном продолжении серьезного лингвогеографического изучения русской региональной лексики (ср., в частности, труды Л.П. Комягиной, В.Я. Дерягина, начатые в 70-е гг.). При этом – не самой по себе, изолированно, но в контексте широких славяно-неславянских взаимодействий и интерференции, что, несомненно, будет способствовать все более активному использованию фактов из русских диалектов при построении современной теории языковых контактов.

Сходные проблемы обсуждаются в докладе **А. Алквист** (Финляндия) «Субстратная лексика финно-угорского происхождения в говорах Ярославского и Костромского Поволжья». Автор использует как собственные диалектные наблюдения, так и материалы Ярославского областного словаря (вып. 1–10. Ярославль, 1981–1996). Предметом анализа в докладе явилась лексика ландшафта, живой природы, деятельности человека и др., рассматриваемая в плане ее территориального распространения.

Последствия контактирования русских говоров и языков Сибири в лексической сфере, которые необходимо принимать во внимание прежде всего при этимологизировании «сибирских» лексических локализмов, детально рассмотрены в докладе **А.Е. Аникина** (Россия) «К характеристике крайневосточнославянской периферии славянского языкового пространства».

Тема изучения периферийных русских говоров отражена и в докладе **Т.Б. Юмсуновой** (Россия) «Русские говоры старообрядцев (семейских) Забайкалья как говоры переходного типа». Автор, в основном на материале лексики, решает проблему классификационного свойства – установление места указанного идиoma среди других русских диалектов. При этом основным источником анализируемых данных является фундаментальный коллективный труд – «Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья», содержащий около 8000 статей и подготовленный ныне к печати. В конечном счете, этот словарь, вместе с известным лексикографическим трудом Л.Е. Элиасова ([Элиасов 1980]; подробный анализ достоинств и недостатков последнего см. в [Аникин 1997: 17–19]), позволит обеспечить всестороннюю характеристику лексического состава русских говоров указанной области.

Лишь в нескольких докладах использованы материалы по украинской и белорусской диалектологии.

Отметим доклад **В.А. Дыбо** и **С.Л. Николаева** (Россия) «Новые данные и материалы по балто-славянской акцентологии», который в своей первой части выполнен на материале черниговских полесских говоров украинско-белорусского пограничья. Рассматривается система отражения праславянских интонаций в указанных говорах. Анализируя диалектную фонетику, в том числе и с помощью тонограмм (их 142) из двух говоров, авторы делают заключение, что традиционное представление о том, что тоновые различия сохранились лишь в словенских и сербско-хорватских диалектах, ошибочно. В.А. Дыбо и С.Л. Николаев считают, что силлаботональные оппозиции можно найти в указанных черниговских говорах.

М. Абрагимович, Е. Волкова, Я. Козловская-Дода, И. Лучиц-Федорец, Р. Малько, А. Ошчик, Г. Цыхун (Беларусь) в докладе «Межславянские изолексы в белорусских этимологических словарях» отмечают, что традиционным для белорусской историко-этимологической лексикографии является повышенный интерес к ареальной харак-

теристике при документировании языковых фактов (ср. многотомный «Этымалагічны слоўнік беларускай мовы» и однетомный «Беларускі этымалагічны слоўнік»). Актуальность следования указанному принципу обусловлена центральным положением белорусского языка в Славии и – как следствие – открытостью его для языковых (и культурных) влияний. Наибольшей эвристической ценностью, по мнению авторов, обладают эксклюзивные сепаратные схождения (например, между белорусскими и южнославянскими диалектами).

На XII съезде славистов значительное внимание было уделено проблемам исторической диалектологии. В этом отразилась тенденция последних лет, во многом связанная с расшифровкой новгородских берестяных грамот. Тексты этих грамот создали основание для реконструкции средневекового говора северо-западного региона России. Сопоставление полученных данных с современными говорами тех же территорий позволило выстроить диахроническую линию их развития. В ходе этих разысканий возникла гипотеза, согласно которой русские говоры северо-запада продолжают собой идиом, не вписывающийся в концепцию восточнославянского/древнерусского единства. Эта идея не всеми славистами-русистами воспринята как бесспорная, но ее значение в качестве стимула размышлений относительно древнего периода истории славянских языков/диалектов несомненно. Характерно, что на съезде почти все доклады по исторической диалектологии так или иначе соотносятся с исследованиями берестяных грамот А.А. Зализняка. Новый этап в изучении этих памятников письменности и возникающие при этом проблемы были охарактеризованы А.А. Зализняком (Россия) в его докладе «Проблемы изучения берестяных грамот». В дополнение к этому в своем устном сообщении А.А. Зализняк рассказал о результатах новгородских раскопок 1998 г. и сделанных при этом лингвистических открытиях.

В докладах по исторической диалектологии обсуждаются явления достаточно раннего периода.

Доклад Г. Андерсена (США) "Дифференциация общеславянского языка. Парадокс разных тенденций развития, имеющий значимые локальные результаты" преследует цель показать три исследовательские стратегии, которые могут помочь в понимании сущности дезинтеграции общеславянского языка. Это 1) опора на универсалии лингвистического изменения, 2) учет различий в развитии центральных и периферийных диалектов, 3) внимание к различиям в языковом общении между гомогенным и гетерогенным сообществами говорящих. В качестве примеров приводятся три праславянских фонетических изменения, каждый из которых иллюстрирует универсалии развития, но в то же время включает ареал несоответствия общей тенденции, что, как считает автор, нуждается в объяснении *ad hoc*. Это ослабление (= ления) *g; 1-я и 2-я палатализация *g; рефлекс *dj; частичная веляризация передних гласных; специфика второй/третьей палатализации в северо-западном регионе Восточной Славии.

Г. Гольцер (Австрия) в докладе "Об общеславянском диалектном континууме" определяет характер праславянских изменений, придающих собранию праславянских диалектов статус континуума, означающего непрерывность перехода друг в друга разных идиомов. Это такие фонетические сдвиги, как 1) частичное наложение одной инновации на другую ($dl > l$ на $ojq > q$), 2) нарушение генеральной волны инновации благодаря включению в нее большей обусловленности ($k\check{e} > c\check{e}$ лишь при отсутствии признака лабиальности у задненебного), 3) разнонаправленная нейтрализация ($dz - z > dz - dz$ или $z - z$). Заимствование также создает эффект переходности.

Г. Бирнбаум (США) представил доклад "На периферии: наиболее ранние свидетельства о двух позднепраславянских диалектах". Автор исходит из того, что праславянский период продолжался приблизительно до конца XII в. Имея это в виду, можно считать, что письменную фиксацию позднепраславянских диалектов содержат ранние старославянские тексты (X–XI вв.), поскольку отражают солунский диалект, и берестяные новгородские грамоты (XI–XII вв.). Эти тексты, соответственно, репрезентируют диалектное состояние южной и северной окраины праславянского континуума.

Г. Бирнбаум, опираясь на имеющиеся в науке сведения о старославянских текстах, с одной стороны, и на вновь открытые черты языка берестяных грамот, – с другой, сопоставляет прадиалекты Юга и Севера с точки зрения рефлексации в них отдельных элементов праславянской фонетики и некоторых морфологических особенностей. Констатируется различие между двумя ареалами: в рефлексации **tj* (**kt'*), **dj*, которая, как считает автор, в солунском диалекте имела вид *'t'*, *'d'* (что отражено в глаголице), в древненовгородском – *č*, *ž*, древнепсковском – *k'*, *g'*, которые позже утвердели перед непередними гласными; в сохранении на Юге, а также на Западе назального рефлекса **ę*, **q* и утрате его на Севере в дописьменный период. В то же время Г. Бирнбаум считает возможным констатировать фонетическое качество **ǣ* в виде *a* не только для Юга и Запада, но и для новгородского Севера, аргументируя это фонетикой ранних финских заимствований. Такую специфическую новгородскую черту, как отсутствие результатов второй палатализации типа *k > c*, *x > s*, Г. Бирнбаум считает архаизмом, характерным для периферии Славии и выражающимся в отсутствии этой фонетической мены как таковой, а не связанной с задержкой монофтонгизации *oi > ě*, как это утверждает В. Вермеер [Вермеер 1997]. Рассматривая явления морфологии, Г. Бирнбаум останавливается на разной представленности некоторых форм прошедшего времени в старославянском и в берестяных грамотах, на разной форме личного местоимения 1 л. ед. числа – *jazъ* ~ *azъ*. Рассматриваются такие особенности берестяных грамот, как флексия *-e* им. пад. сущ. основ на **o* (смешение форм им. и зв. в двуязычной финно-славянской среде); параллелизм *-e* и *-u* в вин. мн. сущ. основ на **o*. Автор излагает свой взгляд на генезис древненовгородского диалекта, считая, что он восходит к диалекту ильменских словен, на который лишь позже наложился кривичский, тем самым расходясь во мнении с А.А. Зализняком, считающим, что новгородский диалект продолжает племенной диалект кривичей.

Сужение праславянской темы до генезиса одного языка репрезентирует доклад Г. Шустера-Шевца (Германия) "Позднепраславянские инновации и их отражение в структуре изоглосс серболужицких языков". На основе анализа хронологии и территориального распространения позднепраславянских фонетических инноваций (а это практически все главные показатели дробления праславянского на "макродиалекты") автор приходит к выводу, что серболужицкие языки не только показывают генетическую связь с восточнолехитским (польским) регионом, но и близость к старому юго-восточному крылу праславянского, образованному чешскими и словацкими диалектами, а также частично к восточнославянскому, особенно к украинским диалектам. Формирование серболужицких языков/диалектов Г. Шустер-Шевц связывает с позднепраславянскими волнами миграции на северо-запад в область поселения древних лужичан.

Автор доклада "Древний новгородско-псковский диалект на общеславянском фоне" В.Б. Крысько (Россия) принадлежит к числу тех лингвистов, которые скептически относятся к генетическому отождествлению древненовгородского диалекта (= ДНД) в том его виде, как он отражен в берестяных грамотах, с западнославянским типом развития. С целью показать несостоятельность этого положения В.Б. Крысько рассматривает динамику явлений, присущих русским говорам северо-запада. Список объединяет 39 явлений фонетики и морфологии, которые располагаются в хронологической перспективе: праславянские архаизмы – праславянские диалектизмы – восточнославянские инновации – общеновгородские диалектные явления – инновации отдельных новгородско-псковских говоров. Автор утверждает, что рассмотренные им явления на разных этапах своего развития не дают основания противопоставлять ДНД другим восточнославянским и генетически связывать с западнославянским ареалом. Такие специфически новгородские черты, как отсутствие второй палатализации заднебных, *гл*, *кл* на месте **dl*, **tl*, совпадение дентальных и переднебных спирантов, **ъ > e* перед *j* и др. могут быть результатом самостоятельного развития диалектов, образующих периферию восточного, а не западного славянства. Точка зрения В.Б. Крысько на

генезис ДНД совпадает с приведенным выше мнением Г. Бирнбаума, — он связывает этот диалект с ильменскими словенами, которые, в свою очередь, имели корни на юго-западе древнерусской территории (Галиция, Западная Волынь). Нам кажется, что вопрос о генезисе новгородско-псковских говоров вряд ли может иметь решение, которое будет принято всеми, но обсуждение данной проблемы всегда интересно. В докладе обращает на себя внимание мнение автора о характере аргументов, позволяющих судить об истории диалектов вообще и об их раннем состоянии в частности. Как ни странно, из состава таких аргументов исключаются показания диалектологии, в том числе и лингвогеографии. Использование диалектных данных, по мнению В.Б. Крысько, корректно лишь в тех случаях, когда речь идет об архаизмах, зафиксированных и в памятниках письменности. Попытки интерпретировать диалектные изоглоссы как показывающие диахронию в синхронии превращают диалектологию, по словам В.Б. Крысько, в "дисциплину ретроспективную, реконструктивную, а по сути дела в деструктивную". Это утверждение находится в известном противоречии с опытом славянской лингвогеографии, когда зафиксированные на карте компоненты диалектного различия могут быть выстроены в хронологически маркированную линию. Проблеме извлечения диахронической информации из диалектной карты уделит специальное внимание Р.И. Аванесов на V съезде славистов. Он писал, что показанная на карте диалектная система может быть интерпретирована с включением фактора времени. Это дает "одномерные изоглоссы особого рода, которые мы называем хроно-изоглоссами", — они "указывают на общность и различия языковой системы во времени при выключенном пространстве (т.е. применительно к одной территории) и представляют собою одну из основных категорий истории языка". И далее: «...Пучки хроно-изоглосс определенного комплекса языковых явлений, проходящие в одно время или во времени близко друг к другу, позволяют выделить временные варианты системы языка, каждый из которых характеризуется единством по отношению к данному комплексу языковых явлений, а также смену систем и "критические" переходные эпохи, к которым относятся отдельные хроно-изоглоссы данного пучка. Именно на их основе строится структурная периодизация истории языка» [Аванесов 1963: 299].

Сопоставительный подход позволил Ю. Дудашовой-Кришшаковой (Словакия) в докладе "Особенности восточнословацких диалектов незападнославянского происхождения" представить картину сложных процессов формирования словацких говоров Восточной Словакии. Анализируя явления разных языковых уровней, автор сосредотачивает внимание на словацко-украинском языковом параллелизме. Некоторые из подобных явлений — следствие внутреннего развития указанных словацких диалектов, другие могли быть стимулированы (= мотивированы) воздействием украинских говоров в ходе длительных и интенсивных украинско-словацких контактов. В качестве примеров первого пути развития автор называет следующие (имеющие статус архаизмов): корреляция твердости/мягкости согласных в сотацких говорах, сужение $o > \rho$ и $e > \epsilon$, билабиальный υ (сотацкие и ужские) и др.; из морфологических явлений автор рассматривает флексии 1 л. ед. числа наст. вр. глаголов на *-и*. В качестве результатов украинского влияния на словацкие говоры упоминаются рефлекс $o < *ъ$ (*pisok, parobok*, при зап.-слвц. *pisek, parobek*), флексии *-oho, -omi* в прилагательных муж. р. (*dobroho, dobromu*, при зап.-слвц. *dobreho, dobremu*), флексия *-oi* в тв. пад. жен. р. ед. числа (*ženoj, sinoj* и под.), а также многочисленные украинизмы в лексике (при этом есть случаи, когда подобные слова не сохранились в самих украинских говорах). В заключение обращается внимание на резкое изменение социолингвистической ситуации в зоне словацко-украинского пограничья после 1945 г., когда языковая граница стала государственной. Это привело к существенному сокращению контактов, в том числе языковых, и способствовало в дальнейшем самостоятельному и независимому развитию словацких говоров в земплинской, сотацкой и ужской микроразнообразиях.

История одного диалекта является предметом рассмотрения в докладе Х. Брийнен

(Голландия) "Фонологическое развитие слепянского диалекта в XIX–XX вв." Этот диалект расположен между нижнелужицкой и верхнелужицкой территориями и в серболужицкой диалектной классификации относится к числу пограничных. Реконструкция изменений в диалекте производится на основе сопоставления трех разновременных фиксаций диалекта. Это – 1) рукопись крестьянина – носителя диалекта начала XIX в., 2) публикация ее фрагментов в конце XIX в. – автор публикации внес коррективы в диалектные черты рукописи сообразно своему языковому опыту и орфографическим представлениям и 3) современные диалектные тексты. Х. Брийнен делает выводы о фонологических изменениях, произошедших в диалекте со времени его первой фиксации. Некоторые суждения автора вызывают сомнения прежде всего потому, что письменная фиксация диалекта начала и конца XIX в. слишком прямолинейно оценивается как буквальное отражение фонетических черт диалекта (практически как транскрипция). Ряд явлений, которые автор считает чертой фонетики диалекта, на самом деле можно объяснить отсутствием графических средств для передачи их в рукописи начала XIX в. и определенной орфографической традицией, принятой к началу XX в. Это касается утверждений о якобы отсутствии губных мягких фонем; о незаконченности к началу XIX в. изменения $o > \acute{o}$ после губных и заднеязычных не перед губными и заднеязычными (это явление достаточно старое), о незаконченности изменения палатализованного вибранта после t, k ; об отсутствии фонемы $/\acute{e}/$ в более ранней фиксации и наличии ее в более поздней.

В докладе **Л. Беднарчука** (Польша) "Языковые связи Южной Польши с территорией Великой Моравии" рассматривается вопрос о том, какие особенности южно-польских диалектов можно считать отражением тех связей с регионами к югу от Карпат, которые были актуальны для Южной Польши в средние века (IX–XI вв.). Автор устанавливает территорию бытования таких польско-чешско-словацких особенностей, как стяжение гласных в связи с утратой интервокального j , внешнее сандхи типа $d \# V$, *Son*, произношение заднеязычного η перед g, k , место ударения в слове, фрикатизация r' , явления лексики, ономастики. На основе этого делается вывод, что в ранний период в рамках западнославянской группы выделялась региональная языковая общность, черты которой позже нашли продолжение в современных чешских, словацких и южнопольских говорах.

Исторической интерпретации одного диалектного явления посвящен доклад **Л.Л. Касаткина и Р.Ф. Касаткиной** (Россия) "Рефлексы редуцированных гласных в конце слова в русских говорах". Авторы выдвигают предположение, что в некоторых русских говорах можно найти свидетельства сохранения слабых редуцированных в конце слова, где они изменились в o (реже e) или представлены в своем первоначальном качестве (= "краткие нелабиализованные типа современных $\acute{z}, \acute{b}$ "). Подтверждение этого авторы видят во встречаемом в некоторых говорах произношении o вместо ожидаемого $\emptyset$ на конце падежных форм существительных, глагольных форм, оканчивавшихся на $\acute{z}, \acute{b}$. Произношение с конечным o в каждом говоре не носит генерального характера, а выступает в особых фонетических условиях как вариант, причем более редкий, наряду с $\emptyset$. Авторы отказываются от возможного отождествления им. пад. ед. числа существительных на $-o$ с членной формой на $-om$, утратившей конечный согласный (ср. болгарскую и македонскую аналогию). В частности, потому, что приравнивают фонетические правила сочетания слова с $-om$ к сочетаниям с другими энклитиками (например, *ли, ведь*). Как кажется, при этом не учитывается существенное исходное семантическое различие между этими морфемами. Однако важнее то, что возведение гласного o к слабому редуцированному, якобы сохранившемуся в конце слова, наталкивается на такое препятствие, как "правило Гавлика", по которому гласным полного образования заменяется только сильный редуцированный, а перед слогом с сильным редуцированным может быть только слабый редуцированный. Согласно этому, $*ov\acute{z}z$ не мог дать $ov\acute{o}so$ (пример из доклада), а только $ov\acute{b}o$; могло бы быть $ov\acute{b}o$ при перенесении ударения на конечный $\acute{z}$, что придало бы

ему статус сильного, но таких примеров в докладе нет. Рассматриваемое авторами явление не относится к рефлексации редуцированных, – более вероятно, что оно отражает все-таки использование местоимения **тъ*. В этой связи можно заметить, что на сходство постпозитивной частицы *-то* (< **тъ*) севернорусских говоров с притяжательными суффиксами 2 и 3 л. вин. пад., превратившимися в постпозитивные частицы в некоторых финно-угорских языках, указано в докладе **М. Лейнонен** (Финляндия) "Постпозитивная частица *-то* в севернорусских говорах и определенно-указательные суффиксы коми языка".

Лишь в нескольких докладах затронут социолингвистический аспект диалектологии. **О. Поляков** (Литва) в докладе "Западнополесский литературный язык" обсуждает возможность создания "четвертого восточнославянского литературного языка" на основе говоров Западного Полесья, входящего в состав Белоруссии (преимущественно) и Украины. Автор рассматривает историю формирования идеи создания "ятвяжского" языка и дает комментарий к кодификации некоторых явлений фонетики, морфологии и лексики.

Доклад **И. Удвари** (Венгрия) «Лингвистическое отражение венгерско-русинского сосуществования в "Наші співанки" Ивана Петровича» посвящен опыту создания регионального литературного русинского языка, отраженному в одном из произведений указанного автора. В его языке присутствует большое число унгаризмов, что докладчику кажется естественным для ситуации венгерско-русинского билингвизма. Изъятие унгаризмов может нарушить естественность языковой ткани. Адаптация подобных иноязычных элементов рассматривается и на примере языка русинов области Бачка (Югославия).

Д. Пандев (Македония) в докладе "Социальный диалект сербского населения в македонской среде" обсуждает тему "язык города" в том ее виде, как она предстает в существовании небольшой языковой группы в иноязычной среде. Предметом исследования является функционирование сербского языка замкнутой группы его носителей в македоноязычной среде г. Скопье. Ситуация точно датирована – до и после распада Югославии. После 1991 г. употребление сербского языка уменьшается, – происходит или интерференция, или последовательное разграничение двух языковых систем.

М. Жилак (Венгрия) в докладе "Отношение словаков, живущих в Венгрии, к кодификации литературного языка Л. Штура" рассматривает вопрос об отношении носителей диалектной формы языка к соответствующему литературному "стандарту" в зависимости от таких экстралингвистических факторов, как островное положение носителей диалекта (в данном случае – словаков в Венгрии) и дифференциация их поселений по социальному и культурно-профессиональному признакам. Специфика отношения к словацкому литературному языку проявляется в допустимости большого числа диалектизмов, а также в сохранении многих архаичных слов, вышедших из употребления в метрополии.

З. Грень (Польша) в докладе "О лингвистических проблемах польско-чешско-словацкого пограничья" описывает лингвистическую ситуацию в Цешинской Силезии с синхронной и диахронической точек зрения. Обращается внимание на то, как влияют на структуру диалектов экстралингвистические факторы (социально-политические и под.), действующие в рамках интенсивных контактов родственных языков (= диалектов). Автор предлагает некоторые специальные методы исследования подобных ситуаций.

Проблемы собственно социального диалекта/жаргона рассматриваются в докладе **А. Лукашанец** (Беларусь) "Славянские социальные диалекты: сравнительно-типологическая характеристика". Анализируя разновидности социальных диалектов славянских языков, автор выявляет элементы генетической и частично типологической близости между ними. Генетические отношения (= общность происхождения) прослеживаются в "тайных" языках, используемых представителями некоторых профессий (например, странствующими торговцами), в старых криминальных жаргонах и под. Типоло-

гическое сходство характеризует социальные диалекты более позднего времени (современные жаргоны преступного мира и молодежный сленг) и проявляется, в частности, в общности структуры новых славянских социальных диалектов, в сходных типах номинации, в общих принципах развития и функционирования, в том числе в их отношении к литературным языкам.

* * *

Анализ диалектологической проблематики, представленной в докладах на XII международном съезде славистов, позволяет сделать следующие выводы.

Приоритетное место в изучении славянских диалектов продолжает занимать лингвистическая география. Лингвогеографические штудии не только дают новую информацию о дифференциации славянского диалектного континуума, но и позволяют выдвигать новые как синхронные, так и диахронические интерпретации зафиксированных фактов. Анализ диалектологических карт как источника специфической информации предполагает теоретическое осмысление диалектного континуума в качестве структурированного языкового пространства, образуемого постоянными и вариативными звеньями, т.е. комбинацией стабильных компонентов и диалектных различий. В этом смысле максимально информативными являются карты, охватывающие все славянские диалекты, а именно – карты ОЛА.

В области синхронного изучения современных славянских говоров преимущественное внимание на съезде было обращено на сопоставительный анализ различных явлений. Отметим и значительное увеличение числа докладов, посвященных проблемам контактирования и интерференции на диалектном уровне, – как в рамках межславянских, так и славяно-неславянских отношений.

XII съезд славистов показал несомненное усиление интереса к исторической диалектологии. Все чаще слависты обращаются к сравнительно-историческим исследованиям, привлекая все в больших масштабах диалектные факты. Правда, внимание ученых, как показал и последний съезд, концентрируется пока на хотя и важном, но ограниченном круге тем, – например, на проблеме восточнославянского лингвистического единства. Существенную роль в активизации подобных работ играет введение в научный оборот данных средневековых текстов новгородских грамот.

К сожалению, ныне сложилась такая практика формирования тематики съездов, при которой в докладах по диалектологии отдается предпочтение сопоставлению явлений нескольких языков. Отсюда – типичной является ситуация, характерная и для Краковского съезда, когда факты диалектов одних языков (например, словенского, хорватского, македонского, польского, словацкого, русского) использовались в докладах достаточно широко, а данные других языков (болгарского, сербского, украинского, белорусского) – весьма ограниченно. Поэтому не нашла должного отражения и оценки интенсивная работа по разноуровневому описанию диалектов, ведущаяся в отдельных национальных диалектологиях. Ценность же этих исследований особенно велика, потому что они в большей своей части базируются на полевом материале, собранном по специальным программам.

Невнимание к этому аспекту диалектологических разысканий в известной мере ограничивает представление о состоянии и перспективах современной славянской диалектологии **в целом**, – тем более, что в настоящее время практически в каждой славянской стране, несмотря на различные трудности, осуществляются масштабные проекты (лингвогеографические, лексикографические и под.), связанные с задачами углубленного изучения конкретных диалектов.

Примечание. В заключение считаем необходимым привести список трудов, в которых репрезентирована диалектологическая тематика на XII MCC.

Македонска АНУ. Прилози. Одделение за лингвистика и литературна наука. XXII, 1–2. Скопје, 1997; Мовознавство, № 2–3. XII Міжнародний з'їзд славістів. Доповіді української делегації Київ. 1998; Научные доклады филологического факультета МГУ. Вып. 3: К XII Международному съезду славистов в Кракове. М.,

1998; Проблемы славянского языкознания. Три доклада к XII Международному съезду славистов. М., 1998; Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1998; XII Medzinárodný zjazd slavistov v Krakove. Príspevky slovenských slavistov. Bratislava, 1998; XII Międzynarodowy kongres slawistów. Kraków, 1998. Streszczenia referatów i komunikatów. Językoznawstwo. Warszawa, 1998; American Contributions to the Twelfth International Congress. Literature. Linguistics. Poetics. 1998; Contributi italiani al XII Congresso internazionale degli slavisti. Napoli, 1998; Croatica. 45–46. Zagreb, 1998; Lëtopis. Časopis za reč, stawizny a kulturu Łužiskich Serbow. 45. Bautzen / Budyšin, 1998; Romanoslavica. XXXV. București, 1997; Slavica Slovaca. 33, č. 1. Bratislava, 1998; Slavistica Vilnensis. 1998 (XII Международный съезд славистов. Доклады литовской делегации). Вильнюс, 1998; Slovenská reč. 63, č. 1. Bratislava, 1998; Studia Slavica Finlandensia. XV. Helsinki, 1998; Studia Slavica Hungarica. 42. Budapest, 1997; Studies in Slavic and General Linguistics. Vol. 24. Amsterdam–Atlanta, 1998; Z polskich studiów slawistycznych. Seria 9. Językoznawstwo. Prace na XII Międzynarodowy kongres slawistów w Krakowie 1998. Warszawa, 1998.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ананьева Н.Е. 1997 – О проекте Атласа польских говоров Белоруссии, Литвы и Украины // Исследования по славянской диалектологии. 5. М., 1997.
- Аникин А.Е. 1997 – Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 1997.
- Аванесов Р.И. 1963 – Описательная диалектология и история языка // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. М., 1963.
- Аванесов Р.И., Калнынь Л.Э. 1983 – Обобщающие карты как особый тип карт в ОЛЯ // ВЯ. 1983. № 4.
- Бернштейн С.Б. и др. 1993 – Проблемы дифференциации славянского диалектного ландшафта (по данным ОКДА). М., 1993.
- Вермеер В. 1997 – О племенах и изоглоссах // Псковские говоры. История и диалектология русского языка. Осло, 1997.
- Калнынь Л.Э. 1994 – Об одном диалектном различии в украинском вокализме // Проблеми сучасної ареалогії. Київ, 1994.
- ОЛЯ 1979 – Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 1979.
- Элиасов Л.Е. 1980 – Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.
- XII MKS. Program – XII Międzynarodowy Kongres slawistyczny. Program. Kraków, 1998.
- SSN – Slovník slovenských nářečí. I. Bratislava, 1994.
- SGP – Słownik gwar polskich. 1–14. Kraków, 1979–1996.
- Steenwijk H. 1992 – The Slovene dialect of Resia // Studies in Slavic and general linguistics. V. 18. Amsterdam – Atlanta, 1992.
- Wenzel W. 1994 – Studien zu sorbischen Personennamen. Teil. III: Namenatlas und Beiträge zur Siedlungsgeschichte. Bautzen, 1994.